

Фархад Карагусов,

главный научный сотрудник НИИ частного права Каспийского университета,
член Международной академии сравнительного права (IACL),
доктор юридических наук, профессор

О применимом праве в сделках с участием иностранного субъекта по передаче бездокументарных ценных бумаг и необеспеченных цифровых активов

(доклад на ежегодной Международной научно-практической конференции, посвященной памяти и 60-летию д.ю.н., профессора Амирхановой Ирины Викторовны на тему: «Правовые механизмы защиты предпринимателей в эпоху искусственного интеллекта и административного надзора» (Кафедра гражданского права и гражданского процесса, трудового права юридического факультета КазНУ им. аль-Фараби; Алматы, 24 апреля 2026 г.))

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о применимом праве к сделкам с участием иностранных субъектов по поводу передачи эмиссионных ценных бумаг, эмитированных казахстанскими компаниями, и криптовалюты. Обосновывается гармонизированный подход казахстанского ГК в подчинении сделок с акциями казахстанскому праву в силу коллизионных привязок *lex incorporationis*, *lex societatis* и *lex situs*. Кроме того, в силу императивности коллизионной привязки *lex rei sitae (lex situs)* и *lex creationis*, утверждается исключительная применимость казахстанского права в сделках с эмиссионными ценными бумагами и другими финансовыми инструментами, выпущенными по законодательству Республики Казахстан. Предлагается также вывод о том, что вопрос о применимом праве к сделкам с криптовалютами и иным действиям по передаче прав на криптоактивы, когда они существуют и обращаются в децентрализованном блокчейне, который не контролируется ни одним государством, остается без однозначного регулирования в международном частном праве.

Abstract: The issue of a law applicable in transactions involving foreign entities with respect the transfer of securities issued by Kazakhstani companies and cryptocurrencies is discussed in this article. It is argued that a harmonised approach can be found in the Civil Code of Kazakhstan in subjecting transactions involving shares to Kazakh law by virtue of such conflict-of-laws principles as *lex incorporationis*, *lex societatis* and *lex situs*. Besides, the exclusive applicability of Kazakhstani law in transactions involving securities and other financial instruments (other than shares) issued under the legislation of the Republic of Kazakhstan is suggested with. The reference to the (as the author claims) mandatory nature of such conflict-of-laws rules as *lex rei sitae (lex situs)* and *lex creationis*. It is also concluded that the question of the applicable law in transactions involving cryptocurrencies and other acts of transferring rights to crypto-assets, where they exist and circulate on a decentralised blockchain not controlled by any State, remains unregulated in private international law.

Аннотация: Бұл мақала шетелдік тұлғалар қатысатын, криптовалюталарды мен қазақстандық компаниялар шығарған бағалы қағаздар беруге қатысты мәмілелерге қолданылатын құқық мәселесін қарастырады. Ол *lex incorporationis*, *lex societatis* және *lex situs* қатығыс заң принциптеріне сүйене отырып, акциялармен жасалатын мәмілелерді қазақстандық заңға бағынуға бағытталған Қазақстандағы Азаматтық кодекстің үйлестірілген тәсілін негіздейді. Сонымен қатар, *lex rei sitae (lex situs)* және *lex creationis* қатығыс заң принциптерінің міндетті сипатына сәйкес, Қазақстан Республикасының заңнамасы бойынша шығарылған бағалы қағаздар (акциялардың басқа) мен басқа да қаржылық құралдарға қатысты мәмілелерде тек қана қазақстандық заңның қолданылуы расталады. Қорытындылай келе, егер криптовалюталар және басқа да криптоактивтерге құқықтарды беру әрекеттері кез келген мемлекет бақыламайтын орталықсыздандырылған блокчейнде бар және айналымда болса, онда оларға қолданылатын құқық мәселесі жеке халықаралық құқықта реттелмеген күйінде қалады.

1. Формирование правового режима цифровых активов в Казахстане началось примерно в 2017-18 годах, а первоначально относительно комплексное оформление он получил с принятием в 2023 году Закона, который, помимо прочего, определил понятия и классификации цифровых активов, выделив среди них так называемые необеспеченные цифровые

активы (то есть криптовалюту), а также с самого начала рассматривает криптовалюту в качестве объекта права собственности (п. 3 ст. 8) [1].

В литературе (думается, обоснованно) отмечается, что на глобальном уровне наблюдается беспрецедентное разнообразие в том, как национальные правовые системы реагируют на криптовалюту; и хотя какой-то национальный правовой режим в отношении криптовалюты возможен, он всегда будет далек от идеального, поскольку сама природа криптовалюты требует создания глобального правового регулирования, которое сможет «обуздать» ее инновационную мощь и одновременно сдержать потенциальные злоупотребления [2, 68].

При описании правового режима криптовалюты в Казахстане акцент делается на том, что часть проблемы обусловлена господствующей (но уже сильно отсталой) правовой доктриной, отраженной в нормах действующего Гражданского кодекса Республики Казахстан («ГК»), согласно которым владение и само право собственности допускаются только в отношении вещей как материальных объектов, в то время как система имущественных прав на нематериальные активы (например, безналичные деньги, бездокументарные ценные бумаги и криптовалюта) остается недостаточно развитой в казахстанской теории частного права и действующем законодательстве.

Учитывая особенности правовой природы криптовалют и их оборота с использованием децентрализованного блокчейна (который не принадлежит какой-либо национальной юрисдикции), острую актуальность сохраняет задача для нашего государства (как в деятельности по развитию законодательства, так и в рамках предлагаемого выше международного сотрудничества по регулированию оборота криптовалют) создание эффективных механизмов, которые будут сфокусированы на обеспечении более высокого качества защиты (в том числе и в частности, правовой) общественного блага и национальной безопасности [3, 477 и 488].

2. Толчком для развития в данном направлении явилось принятие Цифрового кодекса («ЦК»), нормы которого на данном этапе призваны восполнить пробел в регулировании той части имущественного оборота, которая в ст. 1 ЦК определена как цифровая среда [4]. Эта среда формируется по поводу цифровых данных с использованием разнообразных цифровых объектов. Сами цифровые объекты признаются объектами гражданских прав, в связи с чем в отношении них должно быть распространено действие норм ГК (в зависимости от вида цифрового объекта) о владении, праве собственности и праве пользования, о защите соответствующих имущественных и личных неимущественных прав субъектов гражданского оборота, а также правовой режим объектов авторского права и других объектов интеллектуальной собственности.

Особенно примечательным видится то, что в содержании ЦК нашел прагматичный подход о том, что собственностью признается все, что

принадлежит субъекту и позволяет ему наслаждаться всей полнотой выгод от использования соответствующего имущества в качестве его собственника (и безотносительно того, является ли это имущество вещью, или оно существует в форме записей в публичных или иных признаваемых для цели удостоверения и передачи имущественных прав реестрах). Это, однако, ставит новую задачу перед судебной системой относительно того, как применять предусмотренные в ГК способы защиты права собственности в отношении прав на криптовалюту, а также как обращаться на нее взыскание, когда система удостоверения прав на криптовалюту не подконтрольна казахстанской или иной юрисдикции.

Тем не менее, теперь в отношении цифровых объектов и прав на них в полной мере подлежат применению и нормы ГК, относящиеся к международному частному праву, когда в складывающихся по поводу цифровых объектов гражданско-правовых отношениях участвуют иностранные субъекты.

Вместе с тем, коллизионные нормы ГК о сделках с нематериальными объектами гражданских прав требуют развития, и эта задача сохраняет свою актуальность на протяжении долгого времени.

3. В частности, почти десять лет назад состоялась весьма актуальной научная дискуссия о возможности подчинять иностранному праву сделки в отношении акций казахстанских акционерных обществ («АО») вообще, и такие сделки между их акционерами (в том числе, в рамках акционерных соглашений) в частности.

По этому вопросу думается, что в силу императивности ст. 1114 ГК в отношении договора купли-продажи акций АО, заключаемого между казахстанским и иностранным контрагентами (как и в случаях, когда все контрагенты в сделке являются иностранными субъектами), применимым правом может быть только законодательство Республики Казахстан («РК»). Единственным исключением из этого правила может быть применение иностранного права, если сделка купли-продажи производится на иностранной фондовой бирже: в этой ситуации может применяться принцип *lex situs* (право страны нахождения имущественного объекта). Это правило отражено в ст. 1109 ГК, устанавливающей применение права страны нахождения реестра прав на имущество, включенное в государственные реестры [государственные реестры – это согласно ГК, в то время как в развитых юрисдикциях это означает любые публичные реестры, то есть реестры, обладающие публичной достоверностью в удостоверении имущественных прав] (поскольку акции как эмиссионные ценные бумаги допущены к обращению на иностранной фондовой бирже, права на эти акции регистрируются на счетах у профессиональных торговцев, допущенных к участию в торговле на этой бирже).

При этом, в мировой практике (например, по праву Европейского Союза) для применения законодательства к регулированию

трансграничных сделок с ценными бумагами установлено такое уточнение принципа *lex situs*, как правило о применении права посредника (т.е. законодательства, регулирующего деятельность и статус института, который ведением публичного реестра или иного учета прав на финансовые инструменты опосредует соответствующую сделку с ценными бумагами) [5].

Такая позиция обусловлена тем, что согласно ст. 1084 ГК право, подлежащее применению к гражданско-правовым отношениям с наличием в них иностранного элемента, определяется на основании законодательных актов РК, ратифицированных ею международных договоров и признаваемых международных обычаев. При этом в большинстве случаев источником для определения применимого права является ГК, в частности, нормы его Раздела 7.

4. Для определения применимого права к гражданско-правовым договорам с иностранным элементом в ст. 1112 ГК устанавливается правило, согласно которому стороны договора по своему усмотрению вправе выбирать право, применимое к договору или отдельной части договора (*lex voluntatis*). При этом автономия воли сторон договора в этом случае ограничивается содержанием норм законодательства РК (в первую очередь – норм ГК), которыми данный договор или какая-то его часть подчиняется какому-то конкретному национальному праву посредством установления соответствующей коллизионной привязки.

Здесь, однако, следует помнить, что коллизионные привязки могут быть императивными (не позволяя подчинение договора иному праву кроме того, что предписывается данной коллизионной привязкой) или диспозитивными (допуская выбор соглашением сторон договора иного применимого права вместо предусмотренного коллизионной привязкой).

В частности, ст. 1114 ГК не допускает выбора применимого права по соглашению сторон договора о создании юридического лица с иностранным участием. Она является императивным законодательным предписанием (предусмотренным непосредственно в ГК), действующим применительно к указанным в ней правоотношениям, не допуская их подчинения иному праву (ни законодательными нормами, ни соглашением сторон).

Такая императивность предусмотрена в п. 1 ст. 1112 ГК как законодательно установленный предел диспозитивности содержащегося в нем общего правила о праве сторон договора выбирать регулирующее его право. По сути, это – запрет выбирать иное применимое право, чем предусмотренное в законодательных актах.

Ст. 1114 ГК содержит совершенно однозначное положение о применении *lex incorporationis* к перечисленным в этой статье правоотношениям, и она не допускает возможности для сторон договора выбора иной коллизионной привязки. Эта (и любая другая подобным

образом сформулированная в нормах ГК) коллизионная привязка определяется как односторонняя по форме (поскольку применимым в таких отношениях всегда является только право Казахстана) и императивная по способу регулирования (поскольку соответствующая норма, устанавливающая категорическое предписание, не может быть изменена) [6, 72 - 73].

В соответствии с п. 1 ст. 1114 ГК *lex incorporationis* применяется к определению того права, которому подчиняется договор о создании юридического лица с иностранным участием. Вместе с тем, п. 2 ст. 1114 ГК распространяет действие этой нормы в отношении любых (в том числе последующих применительно к факту учреждения юридического лица) соглашений между участниками юридического лица, включая вопросы создания и прекращения данного юридического лица, передачи доли участия в нем и другие отношения между его участниками, связанные с их взаимными правами и обязанностями как участников данного юридического лица.

Ст. 1114 ГК в полной мере применима к казахстанским АО с иностранным участием, поскольку в соответствии со статьями 34 и 36 ГК любое АО является коммерческой организацией, имеющей своих участников, а согласно статьям 85, 88 и 91 ГК участники АО называются акционерами, чья доля участия формируется за счет оплаты акций данного АО и подтверждается приобретенными им акциями АО.

Более определенно статус акционеров казахстанских АО и правовой режим акций регулируются нормами Закона об АО [7], согласно которому, в частности, акция удостоверяет права участия акционера в АО, а принадлежащий акционеру объем прав такого участия (доля участия) определяется соотношением принадлежащих акционеру акций АО к общему количеству акций этого АО в обращении; в свою очередь, передача доли участия в АО осуществляется исключительно передачей его акций.

5. Передача акций может осуществляться как в пользу третьего лица, так и между акционерами, в том числе – во исполнение акционерных соглашений (которые с 2018 года как вид гражданско-правового договора предусмотрены в ст. 46-7 Закона об инвестиционных фондах [8]).

Само заключение акционерных соглашений допускается международными стандартами корпоративного управления, согласно которым предусматривается, что корпоративные отношения должны регулироваться национальным законодательством, а любые контрактные регулирования не могут противоречить таким. регулирующим законодательным правилам [9, 9 -10 и 29].

В любом случае, если акционерное соглашение регулирует вопросы передачи доли участия (то есть акций АО) и иные отношения между акционерами, связанные с их взаимными правами и обязанностями (безотносительно того, было ли акционерное соглашение заключено при

учреждении АО или в последующий период), на основании ст. 1114 ГК акционерное соглашение с участием иностранного лица подчиняется праву страны учреждения данного АО.

7. Казахстанское законодательство не препятствует участию в акционерном соглашении самой компании и иных заинтересованных сторон постольку, поскольку не нарушаются нормы законодательства, и такое участие направлено на обеспечение надлежащего исполнения прав и обязанностей акционеров по соглашению. В таком случае для целей определения применимого к такому акционерному соглашению права значение также имеет национальный закон самого АО.

В частности, *lex societatis* (право страны, где учреждено юридическое лицо) в ст. 1100 ГК императивно определено в качестве закона юридического лица. Эта коллизионная привязка указывает на то, в соответствии с каким правом должны определяться и решаться вопросы правоспособности, внутренней организации и корпоративного управления юридического лица, формирования его органов, соблюдения преимущественного права покупки его акций, ответственности его должностных лиц и акционеров по его обязательствам, а также регулироваться его отношения с участниками / акционерами и другие соответствующие аспекты [10, 404 – 405; 6, 130 – 131].

Норма ст. 1100 ГК также является односторонней и императивной, как и ст. 1114 ГК. А в своем содержании эти две статьи полностью гармонизированы друг с другом, подчиняя отношения по поводу создания и деятельности юридического лица с иностранным элементом, а также по поводу участия в таком юридическом лице праву страны, в которой это юридическое лицо учреждено. Однако, их применение в совокупности или раздельно имеет значение только в отношениях по передаче акций между акционерами казахстанского АО.

В отношении передачи других видов бездокументарных эмиссионных ценных бумаг (как и в отношении криптовалюты), применение предусмотренных в этих статьях коллизионных привязок не является обоснованным (если только не пытаться утверждать, что соответствующие отношения имеют место между акционерами / участниками казахстанского юридического лица осуществлению ими взаимных прав и обязанностей, а передача криптовалюты является способом уплаты за передаваемые таким образом акции).

8. Что касается других видов эмиссионных ценных бумаг (корпоративные облигации, казначейские обязательства, другие государственные и негосударственные долговые ценные бумаги) и большинства иных финансовых инструментов, в отношении сделок с ними применяются и другие коллизионные нормы ГК, согласно которым любая их передача (включая контрактную или по иному основанию) также подчиняется казахстанскому праву. Более того, эти же другие привязки

применимы и к передаче акций казахстанского АО (также дополняя императивность статей 1100 и 1114 ГК в обоснование вывода о том, что передача акций казахстанского АО в сделке с участием иностранных субъектов подчиняется казахстанскому праву, если только передача не осуществляется на организованном рынке капиталов в зарубежном государстве).

В частности, статьи 1107 и 1108 ГК (а также ст. 1109 ГК, с учетом, как подчеркивается выше, понимания указанного в ней государственного регистра как любого публичного регистра, содержание которого служит целям удостоверения прав на имущество и обладает публичной достоверностью согласно закону] регулируют вопрос о применимом праве в вопросах возникновения и прекращения права собственности на движимое имущество, согласно которым никакое иное право, кроме казахстанского, не может быть применимым к любой сделке в отношении финансовых инструментов, выпущенных казахстанскими эмитентами. Содержание этих статей ГК соответствует древнему правилу в коллизионном праве, согласно которому территориальный режим применяется к вопросам, касающимся имущества (включая его передачу и обременения) [11, 1428]. Эта коллизионная привязка известна как *lex situs* или *lex rei sitae*.

Этот принцип установлен в ст. 1107 ГК в качестве императивной нормы для решения вопросов определения прав на движимое и недвижимое имущество, а также в п. 1 ст. 1108 ГК – для решения вопросов, связанных с возникновением и прекращением прав на имущество. В этих случаях этот принцип применяется в Казахстане безоговорочно [6, 184 – 185].

9. Подчинение сделок с акциями и другими эмиссионными ценными бумагами национальному законодательству обусловливается общим принципом, согласно которому, если имущественные права должны удостоверяться записями в публичном реестре, расположенным в данном государстве, ведение этого реестра регулируется правом данного государства. То есть, современным подходом, воспринятым в большинстве экономически развитых государств (США, Западной Европы и др.) является распространение правила *lex situs* для сделок с финансовыми активами на организованных рынках, согласно которому для определения прав на ценные бумаги применяется право страны, где расположен регистр или централизованная депозитарная система для подтверждения прав на такие финансовые инструменты.

Применение этого принципа выходит за пределы вопроса об определении принадлежности прав на такие ценные бумаги, относясь также к передаче ценных бумаг и установлению обременений в отношении них. Этот подход предусмотрен и международными инструментами (например, Гаагской конвенцией от 5 июля 2006 года о праве, применимом к некоторым правам на ценные бумаги, находящиеся у финансового

посредника; Конвенция УНИДРУА от 9 октября 2009 года о существенных правах на ценные бумаги, находящиеся у посредников). В связи с этим сегодня принцип *lex rei sitae* действует в полной мере, но выходя за рамки организованных рынков и трансформируясь в привязку *lex creationis*, согласно которой неосязаемые (невещественные) права, как права на и из бездокументарных акций, регулируются правом, в соответствии с которым они были созданы (появились в обороте) [11, 1433 – 1434].

Это означает применение национального корпоративного законодательства и законодательства о рынке ценных бумаг относительно возникновения и передачи прав акций и других финансовых инструментов по сделкам. [В данном случае надо помнить, что корпоративное (в том числе – акционерное) законодательство включает в себя совокупность норм, составляющих законодательство о компаниях и о рынке ценных бумаг, которые являются преимущественно императивными положениями национального законодательства относительно создания и прекращения компании, формирования ее капитала и имущества, ее корпоративной структуры, условий осуществления прав акционеров и голосования по акциям, выпуска и обращения ее акций и целого ряда других аспектов. Это предусмотрено международными стандартами корпоративного управления [9, 11], является концептуально-методологической основой Модельного закона для стран-участниц СНГ 2010 года, что подчеркивается в Комментариях к нему [12, 288], а также в полной мере отражено в содержании казахстанского законодательства об акционерных обществах и рынке ценных бумаг].

10. Этот же принцип *lex situs* нашел свое отражение в Законе о рынке ценных бумаг (в правовой доктрине международного частного права о финансовых сделках его еще называют правом финансового посредника / *law of financial intermediary*).

В частности, п. 2 ст. 28 Закона о рынке ценных бумаг императивно устанавливает, что «условия и порядок совершения сделок с эмиссионными ценными бумагами и их регистрации в системе реестров держателей ценных бумаг или системе учета номинального держания ценных бумаг устанавливаются в соответствии с настоящим Законом и нормативными правовыми актами уполномоченного органа» [13]. То есть к этим сделкам применяется только казахстанское право, но согласно ст. 38-1 Закона о рынке ценных бумаг предусматривается применение иностранной учетной организацией ее национального закона к подтверждению прав на учитываемые ею ценные бумаги, если они находятся на лицевом счете этой иностранной учетной организации, открытом в системе учета Центрального депозитария.

В п. 2 ст. 1108 ГК предусматривает применения принципа *lex rei sitae* в случае совершения сделки с имуществом (профессор М.К. Сулейменов

также называет эту привязку законом места совершения сделки (*lex loci actus*) [6, 184 -185].

Относительно акций и других эмиссионных ценных бумаг казахстанских эмитентов это означает применение права страны, в которой находится реестр акционеров / держателей ценных бумаг. Поскольку ж статус акционера / держателя ценной бумаги подтверждается записью по лицевым счетам акционеров / держателей у Центрального депозитария ценных бумаг (ст. 19 Закона об АО и ст. 38 Закона о рынке ценных бумаг), а сами такие бездокументарные ценные бумаги передаются лишь трансфертом по упомянутым счетам в соответствии с нормами казахстанского законодательства, обязательными для Центрального депозитария, то и сделки с ценными бумагами казахстанских эмитентов подчиняются казахстанскому праву согласно принципам *lex rei sitae* и *lex loci actus*, закрепленным в п. 2 ст. 1108 ГК.

11. Следует обратить внимание на то, что п. 2 ст. 1108 ГК может ошибочно показаться диспозитивной нормой, поскольку допускает изменение соглашением сторон сделки предусмотренного в нем *lex loci actus* в качестве применимого права.

Однако, применительно к сделкам с ценными бумагами казахстанских эмитентов такая диспозитивность не допускается казахстанским правом, поскольку существует разница между выбором применимого права по соглашению сторон договора (ст. 1112 ГК) и подчинением сделки определенному применимому праву в силу законодательных установлений (как, например, сделки с ценными бумагами в рамках национального рынка ценных бумаг регулируются исключительно национальным законодательством).

Как указано выше, законодательные акты РК (в данном случае – нормы Закона о рынке ценных бумаг) императивно подчинили сделки с эмиссионными ценными бумагами казахстанскому законодательству. Любое соглашение сторон (любой договор) должно соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным императивными нормами закона (п. 1 ст. 383 ГК).

В данном случае необходимо учитывать п. 1 ст. 1084 ГК, согласно которому правила определения применимого права к гражданско-правовым отношениям с иностранным элементом определяются законодательством. В связи с этим такие правила подлежат обязательному соблюдению, поскольку имеют силу правовых норм.

12. В свою очередь, обязательность соблюдения законодательных правил, относящихся к определению применимого права, обеспечивается правовыми последствиями их несоблюдения. В частности, согласно ст. 1088 ГК соглашения сторон об ином применимом праве признаются обходом закона и являются ничтожными. Более того, согласно ст. 1088 ГК обходом закона считается не только заключение недопустимого

соглашения о применимом праве, но также осуществление иных действий, направленных на применение иного права, чем предписывается императивной коллизионной привязкой (даже когда соглашение сторон содержит правильное указание на применимое право или не содержит такого указания вообще).

В соответствии же с п. 1 ст. 157 ГК ничтожная сделка является недействительной, что согласно п. 2 ст. 157-1 ГК означает с момента ее совершения она не влечет юридических последствий.

Более того, согласно ст. 1088 ГК обходом закона считается не только заключение недопустимого соглашения о применимом праве, но также осуществление иных действий, направленных на применение иного права, чем предписывается императивной коллизионной привязкой.

13. Принципы *lex rei sitae* и *lex loci actus*, закрепленные в п. 2 ст. 1108 ГК, могут быть применимыми к сделкам с криптовалютой и иными необеспеченными цифровыми активами при условии, что права на них удостоверяются записью в публичном регистре, чей статус определяется и чья деятельность регулируется какой-либо национальной системой, как и передача прав на эти цифровые активы осуществляется в соответствии с данным национальным правом посредством трансферта по таким записям.

Например, казахстанское право может регулировать передачу криптовалюты по сделкам с иностранным элементом в том случае, когда в полной мере реализуется поручение К. Токаева о создании Государственного фонда цифровых активов, который будет накапливать стратегический крипторезерв [14], при условии, что Центральный депозитарий будет функционировать как криптокастоди, оказывая услуги институционального уровня по хранению цифровых активов (сначала – только Национальной инвестиционной корпорации, которая будет управлять упомянутым национальным стратегическим крипторезервом, а в будущем – также институциональным клиентам (фондам, компаниям, крупным инвесторам) [15].

Но в этом случае сделки с криптовалютой могут подчиняться казахстанскому праву именно потому, что Центральный депозитарий будет вести счета (криптокошельки) владельцев хранимых у него цифровых активов.

Вопрос о применимом праве к сделкам криптовалютами и иным действиям по передаче прав на криптоактивы (например, обращение взыскания на криптовалюты по решению суда), когда эти активы существуют и обращаются в децентрализованном блокчейне, который не контролируется ни одним государством, остается без однозначного регулирования в международном частном праве.

Применение к ним принципа *lex voluntatis* может казаться обоснованным сейчас, но это, по крайней мере, не обеспечит возможность принудительного исполнения по сделке или судебному решению.

Как указывается выше, для решения этого вопроса требуются объединенные усилия всех государств на глобальном уровне, но также и продолжения поиска хоть как-то универсальных теоретических походов для поддержания адекватных законодательных решений (кроме уже получившего распространение взгляда о том, что на сегодня любое правовое регулирование данного, как и многих других, аспекта не находит эффективного решения).

04 апреля 2026 г.

Использованные источники [датой доступа ко всем интернет-ресурсам, указанным в данном списке использованных источников, является 4 апреля 2026 г.]:

1. Закон Республики Казахстан от 6 февраля 2023 года № 193-VII «О цифровых активах в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями), интернет-портал <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000193>.

2. Lehmann, Matthias and Morishita, Tetsuo. *General Report at the IACL Annual Conference in Asuncion (Paraguay)*. In *Cryptocurrencies in national laws: a global survey*. Matthias Lehmann and Tetsuo Morishita, Eds. Leiden, Boston: Brill | Nijhoff, 2025. 847 p.

3. Karagussov, Farkhad. *Kazakhstan*. In *Cryptocurrencies in national laws: a global survey*. Matthias Lehmann and Tetsuo Morishita, Eds. Leiden, Boston: Brill | Nijhoff, 2025. 847 p.

4. Кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII «Цифровой кодекс Республики Казахстан», интернет-портал <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255>.

5. Карагусов Ф. О применимом праве в трансграничных договорах купли-продажи акций казахстанских компаний (21 апреля 2017 г.), интернет-ресурс <http://www.zakon.kz/4855182-o-primenimom-prave-v-transgranichnykh.html>.

6. Сулейменов М.К. *Международное частное право и международный гражданский процесс: Учебник в двух частях*. Алматы: Юридическая фирма «Зангер», 2018. – 496 с.

7. Закон Республики Казахстан от 13 мая 2003 года № 415-II «Об акционерных обществах (с изменениями и дополнениями), интернет-ресурс https://prg.kz/document/?doc_id=1039594.

8. Закон Республики Казахстан от 7 июля 2004 года № 576-II «Об инвестиционных и венчурных фондах» (с изменениями и дополнениями), интернет-ресурс https://prg.kz/document/?doc_id=1049233.

9. OECD (2023), *G20/OECD Principles of Corporate Governance 2023*, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/ed750b30-en>.

10. Weller M.-P. and Thomale C. *Companies*. In *Encyclopedia of Private International Law*. Eds.: Jü. Basedow, G. Rühl, F. Ferrari and P. de Miguel Asensio. Edward Elgar Publishing, 2017. Vol. 1, 886 p.

11. D'Avout L. *Property and Proprietary Rights*. In *Encyclopedia of Private International Law*. Eds.: Jü. Basedow, G. Rühl, F. Ferrari and P. de Miguel Asensio. Edward Elgar Publishing, 2017. Vol. 2, 1854 p.

12. Group of Authors. *Harmonization of Corporate Law in the CIS Countries. More Architecture of Choice*. In *A Review of Central and East European Law*, vol. 36, 2011 (Special Issue).

13. Закон Республики Казахстан от 7 июля 2004 года № 576-ІІ «О рынке ценных бумаг» (с изменениями и дополнениями), интернет-ресурс https://prg.kz/document/?doc_id=1041258.

14. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию», интернет-ресурс <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145>.

15. Пресс-релиз (интервью Председателя): Центральный депозитарий: от учетной системы до регионального хаба, интернет-ресурс <https://kcsd.kz/press-center/news/centralnyy-depozitariy-ot-uchetnoy-sistemy-do-regionalnogo-haba-delovoy-kazahstan>.